

Он брал канцелярию Гитлера

12 июня 2022 года исполняется 120 лет со дня рождения активному участнику советско-финской и Великой Отечественной войн Герою Советского Союза генерал-лейтенанту Ивану Павловичу Рослому.

Иван Павлович родился в 1902 году в селе Петрова Буда Гордеевского района Брянской области. Рос в бедной крестьянской семье. В годы Гражданской войны являлся комсомольским активистом.

С 1924 года Рослый находится в Красной Армии. В его служебном ранце должности: красноармейца, командира отделения, политрука роты, командира батальона. В 1937 году зачислен в Военную академию РККА имени М. В. Фрунзе.

В декабре 1939 года Иван Павлович направлен на боевую стажировку на Северо-Западный фронт в роли командира 245-го стрелкового полка 123-й стрелковой дивизии 7 армии. В ходе советско-финской войны 11 февраля 1940 года 245-й полк под командованием Рослого первым в дивизии прорвал сильно укрепленную полосу ("линию Маннергейма") в обороне противника на Выборгском направлении, захватил несколько железобетонных дотов и, развивая наступление, обеспечил успех дивизии. За этот подвиг полк стал Краснознаменным, а майору И.П. Рослому было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вскоре Иван Рослый сразу же был повышен в воинском звании до полковника, а в апреле 1940 года был назначен командиром 4 стрелковой дивизии Закавказского военного округа. В этом же году Рослый получил диплом с отличием об окончании академии.

С началом Великой Отечественной войны дивизия под командованием Рослого участвовала в Донбасско-Ростовской оборонительной и Ростовской наступательной операциях, в ходе которых командир 13 мая 1942 года получил звание генерал-майора.

30 августа 1942 года генерал Рослый вступил в командование 11-м гвардейским стрелковым корпусом. Корпус отличился в битве за Кавказ, в том числе в ходе освобождения Майкопа и Краснодара.

18 июня 1943 года И.П. Рослый вступил в командование 9 стрелковым Краснознаменным корпусом. Далее были бои за Макеевку, Донецк, освобождение Молдавии.

В конце августа 1944 года 9 корпус был включён в состав 5 ударной армии и вошел в состав 1 Белорусского фронта, наступающего на Берлин.

23 апреля 1945 года корпус решительным штурмом овладел Карлхорстом, форсировал Шпрею, взял Ангальтский вокзал, и наконец, 1 мая захватил гитлеровскую рейхсканцелярию. Свершилось то, что непременно должно было свершиться.

За боевые отличия при штурме Берлина, 4 мая 1945 года, командующий войсками 5 ударной армии генерал-полковник Николай Берзарин представил комкора Рослого к награждению второй медалью «Золотая Звезда», но вышестоящие инстанции снизили статус награды до ордена Ленина.

После войны 24 июня 1945 года по решению Маршала Советского Союза Г.К. Жукова генерал-лейтенант И.П. Рослый возглавил сводный полк 1 Белорусского фронта на Параде Победы.

В последующем генерал-лейтенант И.П. Рослый занимал должность первого заместителя командующего 11 гвардейской армией Прибалтийского военного округа. В марте 1957 года назначен первым заместителем командующего войсками Прикарпатского военного округа.

В мае 1961 года И.П. Рослый уволен в запас.

Иван Павлович Рослый – генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, кавалер 10 боевых орденов скончался в возрасте 78 лет. Похоронен в Москве на Кунцевском кладбище.

И.П. Рослый является почётным гражданином Владикавказа.

Именем И. П. Рослого названа улицы в Донецке и Краснодаре.

В Одессе, на доме, где жил с 1962 по 1980 год Иван Павлович, установлена мемориальная доска.

Подобная доска, посвященная воинам 4 стрелковой дивизии, установлена и в поселке Зеленый Гай Васильевского района Запорожской области.

В 2021 году группа кино-художников под руководством М.В. Яценко – внучки И.П. Рослого подготовила хороший документальный фильм под названием «Герой-115». Министерство обороны РФ наградило участников этой группы медалью «Памяти героев Отечества».

В связи с предстоящим 120-летним юбилеем легендарного военачальника представляем читателям журнала выдержки из 9 главы книги самого генерала Рослого И.П. под названием «Выстоять и победить».

(Издательство ДОСААФ СССР 1977 года). Она называется «Крушение гитлеровской «Цитадели».

Фрагмент из книги И.П. Рослого «Выстоять и победить»
Глава девятая «Крушение гитлеровской цитадели»

ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ

После успешного форсирования Шпрее части 9-го корпуса, сломив сопротивление противника в районе пригорода Трептов, 25 апреля вышли к каналу, соединяющему Шпрее с Ландверканалом. Теперь полоса наступления нашего корпуса определилась особенно четко. На правом фланге она была ограничена рекой Шпрее, за которой по-прежнему вел наступательные бои 32-й стрелковый корпус генерала Жеребина, на левом — Ландверканалом, отделявшим наши боевые порядки от частей 8-й гвардейской армии.

230-я дивизия, действовавшая на правом фланге, после упорных боев овладела заводом шарикоподшипников, питомником и заводом анилиновых красок. 301-я дивизия полностью заняла набережную Визен Уфер на всем протяжении от завода анилиновых красок до Ландверканала.

248-я Одесская стрелковая дивизия по-прежнему составляла второй эшелон корпуса с задачей уничтожения оставшихся у нас в тылу отдельных очагов сопротивления фашистов.

Перед боевыми порядками корпуса, на другой стороне соединительного канала, находился Герлицкий вокзал. За ним проходила городская кольцевая железная дорога. Здесь начинался центр Берлина, превращенный в особый район обороны, названный гитлеровцами «Цитаделью». В этом районе находились все важнейшие государственные учреждения, обороне которых фашистская верхушка уделяла особое внимание.

Берлин был наречен «городом-крепостью». По личному распоряжению Геббельса на стенах большинства домов были тщательно выведены надписи: «Берлин останется немецким» и «Победа или Сибирь». Центр города, объявленный особым, девятым, сектором, представлял собою как бы крепость в крепости.

Сердцевиной «Цитадели» была Вильгельмштрассе, где располагались учреждения, руководившие всей идеологической, административной, политической, военной и экономической жизнью третьего рейха. В самом центре этой улицы, при ее пересечении с Фоссштрассе, находилось здание, значившееся на наших картах как «объект 153» и носившее название имперской канцелярии. С юга к нему примыкали министерство авиации,

гестапо, министерство финансов и государственный почтамт; с севера — министерство иностранных дел, министерство юстиции, национальная галерея и другие учреждения.

К 25 апреля фашисты были зажаты в центре Берлина. Правда, сей последний островок фашистской империи был старательно укреплен. На перекрестках устроены баррикады, подходы к которым минировались. Все угловые окна приспособлены для ведения огня из пулеметов и автоматов, а окна верхних этажей предназначались для автоматчиков и гранатометчиков с фаустпатронами.

Тем не менее наши части находили способы овладевать укрепленными перекрестками и отдельными зданиями и продвигаться вперед. С помощью танков или выдвинутых вперед орудий разрушались углы домов, где засели вражеские пулеметчики. Огнем орудий более крупных калибров сметались баррикады и завалы. Стрелковые подразделения пробивались сквозь кварталы с помощью минеров, подрывавших стены зданий и делавших в них проломы. Так от дома к дому, от квартала к кварталу части 9-го Краснознаменного Бранденбургского стрелкового корпуса продвигались к имперской канцелярии, в бетонном бункере которой обретался Гитлер,

ШТУРМ АНГАЛЬТСКОГО ВОКЗАЛА

Одним из тяжелейших боев в районе «Цитадели» был бой за Ангальтский вокзал. 301-я дивизия, овладев накануне громадным Зданием патентного управления и площадью Белле Аллиансплац, развернула свой фронт на северо-запад. В этом направлении от площади протянулись четыре берлинские улицы. Вдоль них и повели свое дальнейшее наступление части дивизии генерала Антонова. Подразделения 1052-го полка основные удары наносили по Вильгельмштрассе, а вдоль Саарланденштрассе продвигался с боями 1050-й полк. 1054-й полк, составлявший второй эшелон дивизии, следовал по Фридрих- и Вильгельмштрассе, очищая полосу наступления от мелких групп гитлеровцев, оставшихся в тылу наших войск.

Первоначально наступление развивалось успешно, но в районе Ангальтского вокзала 1050-й полк натолкнулся на упорное сопротивление. Здание вокзала представляло собой мощный опорный пункт вражеской обороны. С его фасадной стороны хорошо простреливалась Саарланденштрассе и вся привокзальная площадь. Необходимо было ликвидировать этот очаг сопротивления как можно скорее, ибо он препятствовал дальнейшему продвижению полка.

В этот момент я находился на КП 301-й дивизии, только что

переместившемся в здание Патентного управления.

Начальник артиллерии корпуса генерал Игнатъев и командир 220-й танковой бригады полковник Наруцкий, наблюдавшие с дивизионного КП за действиями танков и артиллерии, обратили мое внимание на слаженное взаимодействие наших огневых средств и пехоты.

— Хоть научный труд пиши, — восхищался Игнатъев. — Корпусная артиллерия принимает непосредственное участие в уличных боях! Огнем прямой наводкой сносятся баррикады противника...

— Когда будете писать, Петр Михайлович, не забудьте и танкистов упомянуть, — добавил Наруцкий.

— Обязательно, полковник!

То, что артиллерист и танкист хвалили друг друга, было верным признаком успешного развития боевых действий.

Рядом с нами хрипло кричал в телефонную трубку генерал Антонов:

— Почему остановился?! Откуда бьют?.. Из здания вокзала? Что думаешь делать? Думать? Ладно, думай!..

Положив трубку, он сердито сказал, обращаясь к нам:

— Черта с два он что-нибудь придумает...

— О ком речь, генерал? — поинтересовался я.

— Гумеров застрелял на пути к зданию гестапо, товарищ комкор. Там такой плотности огонь из Ангальтского вокзала, что даже мышь не проскочит. Прошу поддержать, чем можете...

— Без поддержки не обойтись, — включился в разговор начальник штаба дивизии Михаил Иванович Сафронов, — Противник знает, что делает. Этот чертов вокзал наглухо заткнул Саарланденштрассе, а выбить фрицев оттуда можно только массированным огнем артиллерии по всем без исключения дверям, окнам и нишам. Словом, на каждое окно — орудие. А потом — штурм.

Причем штурмовать с Халлешештрассе, — поддержал я Сафронова. — Юго-восточная часть вокзала укреплена слабее остальных.

— Товарищи! Да где же я вам столько стволов наберу? — взмолился командующий артиллерией дивизии полковник Казанцев. — Ведь там не меньше сотни окон.

— Тут кто-то просил танкистов упомянуть в книге, — намекнул Игнатъев.

— А что, полковник, — вмешался я, — докажете-ка генералу Игнатъеву, что не только артиллерия «бог» войны.

— Есть, доказать! — улыбнулся Наруцкий. — Половину окон беру на себя. Прошу два часа времени для того, чтобы подтянуть машины.

— Ну, в два часа вы, пожалуй, не уложите, да и генералу Антонову понадобится больше времени на подготовку. А вот четырех часов, думаю, будет достаточно.

Подготовка к штурму Ангальтского вокзала проводилась с особенной тщательностью. В боевые порядки полка Гумерова отправился начальник политотдела дивизии полковник Коломийцев. Но особенно тщательно должны были подготовиться к штурму артполк дивизии и танковая бригада. Им предстояло открыть такой плотный и точный огонь по окнам, нишам и входам вокзального здания, который бы обеспечил подавление огневых точек врага и успех штурма.

Артиллеристам предстояло обработать предназначенный для штурма юго-восточный участок здания. Командир артполка подполковник Похлебаев проверил готовность каждого расчета к выполнению задачи. В течение пятнадцати минут он инструктировал взвод лейтенанта Кирилюка, как добиться высокой точности попаданий по мелким целям, затем осмотрел, как оборудованы в развалинах дома позиции орудий лейтенанта Берестового. Пробираясь среди развалин от одного орудия к другому, подполковник давал советы командирам, интересовался, почему огневая позиция выбрана именно здесь.

— У вас обзор, прямо скажем, неважный, — заметил он старшине Чияневу. — Не лучше ли передвинуть орудие левее?

— Цель видна хорошо, товарищ подполковник, — возразил Чиянев. — Если я орудие влево передвину, то моя позиция с соседнего дома будет как на ладони. А ежели там гранатометчик с фаустпатроном?

— Разумно, старшина.

И Похлебаев двинулся дальше, туда, где притаилась 76-миллиметровка старшины Дробахи. Здесь он несколько минут «поколдовал» у прицельного приспособления, похвалил старшину за удачно выбранную позицию, посоветовал надежнее укрыть боезапас. Видели Похлебаева в этот день и на позициях орудий старшин Бочарникова, Румянцева, Ткаченко... Да вряд ли нашелся хоть один расчет, в гостях у которого не побывал бы командир полка.

Так же заботливо готовили артиллеристов к штурму Ангальтского вокзала заместитель командира артполка по политчасти майор Куценко, начальник штаба майор Сотников, комсорг капитан Барский и другие.

Позиции заняли и танкисты Наруцкого.

Вскоре орудия 823-го полка и танковые пушки 220-й бригады открыли яростный огонь по Ангальтскому вокзалу.

Противник стремился внезапным ударом с тыла деморализовать наших артиллеристов.

Укрываясь за развалинами домов, к огненным позициям 76-миллиметрового орудия старшины Симоненко подошли две «пантеры». Но расчет отразил внезапный удар из-за угла. Развернув орудие на 180 градусов за несколько секунд, наводчик рядовой Казарин моментально поймал в перекрестие панорамы первый Т-V.

— Огонь! — И прославленная «пантера», ценившаяся за высокую маневренность порой выше, чем «тигр», потеряла управление, врезалась в полуразрушенную стену и запылала.

Второй Т-V продолжал вести огонь. Одним из осколков наводчик Казарин был ранен. Оттащив его в укрытие, старшина Симоненко сам встал к панораме. Двумя выстрелами он вывел из строя и второй вражеский танк.

Сноровисто действовали и артиллеристы расчета старшины Страшко, уничтожившие вражеский крупнокалиберный пулемет, обосновавшийся в верхнем угловом окне юго-восточной части Ангальтского вокзала.

Над головами артиллеристов прошла пулеметная трасса. Страшко приказал развернуть орудие и указал наводчику Димитрусенко цель. Меткими выстрелами вражеский пулеметчик был уничтожен. Затем расчет снова развернул орудие и продолжал вести огонь по Ангальтскому вокзалу.

29 апреля в середине дня полк Гумерова начал штурм юго-восточной части вокзала и после ожесточенного боя овладел ею. Далее бой продолжался уже внутри здания...

Вскоре 301-я дивизия продолжила свое движение вдоль Саарланденштрассе — к центру «Цитадели».

ВЗЯТИЕ ТИПОГРАФИИ

Жестокий двухдневный бой за здание государственной типографии пришлось выдержать 230-й стрелковой дивизии полковника Шишкова. Это громадное здание занимало целый квартал при пересечении Альт-Якобштрассе и Орланиенштрассе. За мощными стенами укрылись гитлеровцы, создав здесь прочный опорный пункт, прикрывавший подходы к имперской канцелярии с востока.

Попытки подавить огневые точки противника с помощью танков и артиллерии успеха не принесли. Враги то и дело меняли позиции, перебираясь от одного окна к другому, переходя с этажа на этаж. Чтобы поразить одновременно все окна гигантского здания типографии, нужно было во много раз больше артиллерии и танков, чем имелось в распоряжении комдива.

Овладеть типографией могли только штурмовые группы. Такие группы скрытыми перебежками, по чердакам и крышам, делая проломы в стенах

домов, доходили до намеченного объекта и, ворвавшись в него, завязывали бой внутри здания. Это давало возможность остальным успешно штурмовать здание снаружи. Но принесет ли успех посылка штурмовых групп в данном случае? Ведь здание типографии почти нигде не примыкает к другим домам. Над этим и размышлял Шишков, прибывший в сопровождении своего замполита полковника Веремеева на КП 990-го стрелкового полка.

— Ерунда получается, — ворчал комдив, поправляя на голове повязку. — Двое суток торчим у этой поганой типографии. Боезапаса извели больше, чем за весь апрель, а никакого результата. Срам!

— Был бы срам, Даниил Кузьмич, если бы типография и вправду была поганая. А то ведь отличная типография. Я книги видел, напечатанные здесь до войны. Хорошие. Не хуже лейпцигских, — возразил Веремеев.

— Меня сейчас не книги, Иван Федорович, а стены интересуют. Они полутораметровой толщины. Черт бы их побрал совсем!

Командир 990-го полка подполковник Левин вроде бы и не в лад сказал:

— Есть у меня взвод хороший. Лейтенанта Шабурова взвод. И еще отделение есть, которым младший сержант Иван Шмыг командует. Тоже ничего ребятки — на ходу могут зайца подковать.

Вот! Слыхал, Иван Федорович? — рассмеялся Шишков. — Это подполковник на свои штурмовые группы намекает и нас с тобой укоряет: «Бездельники, два дня типографию взять не можете». Так Александр Иванович?

— Не совсем, Даниил Кузьмич. Просто ни в книгах, ни в стенах я не разбираюсь, поскольку не полиграфист и не архитектор. Мое дело — война.

— Ясно! Давай сюда Шабурова и Шмыга. Ты их в штурмовые группы по алфавиту, что ли, подбираешь? На букву «Ш»?..

К вечеру 29 апреля лейтенант Шабуров и младший сержант Шмыг, получив задание, подготовили свои группы к проникновению в здание государственной типографии.

Шабуров еще засветло тщательно изучил всю близлежащую территорию. Однако ни осмотр местности в стереотрубу, ни знакомство с планом Берлина не давали полного представления о путях подхода к зданию. Тогда лейтенант решил сам произвести рекогносцировку. Результаты ее оказались удачными: Шабуров отыскал узкий, не доступный для вражеского огня проход к одному из цехов типографии. Это была узкая щель между двумя зданиями, где одновременно мог продвигаться только один человек. В конце щели — узкое окно...

С наступлением темноты Шабуров повел свой взвод этим опасным путем. Лейтенант понимал: если враг заметит штурмовую группу, то

достаточно будет лишь одного автоматчика, чтобы перестрелять бойцов, пробирающихся гуськом по узкому пространству. И взводный первым, плотно прижимаясь к земле, пополз к цели. Подобравшись к окну, он одним броском перемахнул через подоконник и оказался в комнате, где находилось до полдюжины гитлеровцев. Длинной автоматной очередью лейтенант уничтожил их, затем вместе с подоспевшими бойцами взвода захватил еще несколько помещений. Но самому Шабурову не удалось остаться невредимым: по одежде в двух местах расплылись кровавые пятна. Лейтенант покачнулся... Пулеметчик стрелял из угловой комнаты, препятствуя выходу бойцов, готовившихся начать штурм типографии с внешней стороны. Собрав силы, взводный вступил в схватку с пулеметным расчетом. Удачным броском гранаты он покончил с ним. Теперь и эта часть здания находилась в наших руках.

Через несколько минут ко взводу Шабурова присоединилась рота капитана Темирбаева. За нею последовали остальные подразделения батальона капитана Чепурина.

Вскоре этот корпус типографии был полностью очищен от гитлеровцев. Но метрах в тридцати высился второй корпус. Из его окон противник вел огонь. На помощь роте Темирбаева пришли артиллеристы батареи старшего лейтенанта Черникова. Через проделанные саперами проломы в стенах артиллеристы вкатили внутрь две семидесятишестимиллиметровки — все, что осталось от батареи, — и открыли огонь прямой наводкой по цеху, где засели враги.

Точность огня батарейцев обеспечила успешную атаку роты, вскоре второй корпус типографии также оказался в наших руках.

А на противоположном углу квартала штурмовала типографию группа Ивана Шмыги. Младший сержант еще днем старательно изучил свой участок. Перед углом здания типографии, который должно было штурмовать его отделение, гитлеровцы построили дот. Все пространство перед дотом метров на двадцать было совершенно гладким и простреливалось из верхних этажей. Но Шмыг нашел выход из положения. По его просьбе саперы подорвали одну уцелевшую стену находившегося напротив типографии разрушенного дома. Рухнувшая стена легла причудливой каменной россыпью поперек улицы почти до самого дота. С наступлением темноты младший сержант со своим отделением, старательно укрываясь за камнями, двинулся к углу типографского корпуса. Подобравшись почти вплотную к амбразуре дота, отделенный метнул туда одну за другой три гранаты. Следующие две полетели в угловое окно, из которого бил пулемет противника. Через несколько минут отделение Шмыга ворвалось в здание, добивая уцелевших врагов огнем из

автоматов.

Вскоре части первого эшелона дивизии начали штурм этого опорного пункта обороны противника...

Подполковник Ожогин, Шишков и я наблюдали за ходом боя с полкового КП, находившегося в одном из зданий на Альт-Якобштрассе. Я обратил внимание на то, что после ранения у руммельсбургской электростанции Шишков все еще не оправился, хотя и старается не показывать этого. Пользуясь некоторым затишьем, я осторожно предложил Даниилу Кузьмичу уехать в госпиталь. Полковник с грустью взглянул на меня и отрицательно покачал головой:

— Не надо меня обижать, Иван Павлович. Четыре года мечтал я о том дне, когда наконец-то доберусь до самого логова Гитлера. И вот, когда до имперской канцелярии осталось рукой подать, вы хотите меня «упечь» в госпиталь. И потом, чем я хуже других? Вот у Ожогина девяносто три человека наотрез отказываются уходить в госпиталь. Ты им прикажи, что ли, Андрей Матвеевич...

— Да как тут прикажешь? — смущенно улыбнулся подполковник. — Такое дело один раз в жизни бывает. Четыре года ждали этих боев. В самом Берлине! Обидно.

— Не то слово «обидно», — печально сказал Шишков. — Страшно! Больно! Царева Сашу забыть не могу. Заменял раненого Гомонкова сегодня утром, а через час сам был тяжело ранен. Умер на поле боя... Нет, сейчас уйти в тыл, в госпиталь, для меня просто позор.

— Ну, полно, Даниил Кузьмич! Это я так, к слову...

Комдив облегченно вздохнул, но вдруг насторожился: со стороны типографии донеслись все усиливающиеся мощные разрывы, треск автоматных и пулеметных очередей. Полковник кинулся к телефону, и через несколько секунд, подтянувшись, словно рана его уже не тяготила, доложил:

— Товарищ генерал! Полк Смыкова ворвался в здание типографии!

КРОВЬ НА СОЛДАТСКОМ ХЛЕБЕ

Вечерело. Над корпусами государственной типографии, над перекрестком Альт-Якобштрассе и Орланиенштрассе еще висели густые клубы дыма и бурой кирпичной пыли, но бой уже затих. Оборудованный гитлеровцами в стенах типографии опорный пункт пал под ударами 990-го и 986-го полков 230-й дивизии.

Полк Алексея Ивановича Смыкова, вышедший после штурма на Командантенштрассе, воспользовавшись передышкой, расположился на обед.

Майор Железный направился к кухням второго батальона и поинтересовался у поваров: много ли осталось супа, хлеба и каши.

— Как не остаться, — ответили ему, — если варишь на двести пятьдесят человек, а обедать приходит двести.

Железный нахмурился. Он-то хорошо знал, почему в котлах осталось пятьдесят порций — обед тех, кого отправили в госпиталь. И тех, кто никогда уже не будет обедать...

— А вы, товарищ майор, никак, немцам хотели остаток отдать?

— А что? Тут в подвале их человек восемьдесят. Женщины, старики, дети...

— Да я его лучше на землю выплесну, чем фашистов кормить! — со злостью выкрикнул повар.

Комбат понимал бойца. Он сам пронес через Украину, Польшу и Германию священное чувство мести и ненависти. Но после боя за типографию майор заглянул в подвал соседнего дома и увидел картину, которая поколебала его ненависть. Изможденные дети, старики, женщины сбились в угол, глядя на советского офицера ввалившимся, полными страха глазами. Люди были истощены до предела. Многие не могли даже стоять.

— Как в концлагере, — тяжело вздохнул Железный.

Обитатели подвала поняли только слово «концлагерь». Со стонами вся эта масса несчастных людей двинулась к выходу из подвала.

— Куда вы? — остановил их майор.

Старик-немец в измазанном мелом пиджаке, подбирая русские слова, ответил:

— Герр офицер сказаль нах концлагер...

Железный понял: люди решили, что их отправляют в концлагерь.

— Какой к черту концлагерь! Вас в больницу надо.

Немцы испуганно смотрели, не понимая, чего хочет от них этот громадный русский офицер. Было ясно, что он сердится. Майор выкрикнул одно из немногих известных ему немецких слов:

— Цурюк!

Те попятились, а Железный торопливо покинул подвал.

Тогда и возникла у него мысль накормить этих изголодавшихся людей из солдатского котла. Но как объяснить это повару?

— Пошли со мной, — сказал ему комбат и добавил, обращаясь к своему ординарцу Прохорову: — А ты, Митя, сбегай за переводчиком.

В подвале, пристально всматриваясь в слабо освещенные худые лица, повар тихо спросил:

— Это что же, товарищ майор, заключенные ихние?

— Нет, просто жители. Изголодались... Поглядел? Теперь иди, вываливай на землю суп да кашу!

— Так ведь детишки тут, товарищ майор.

— Ну и что? Это же немцы...

А немцы — не люди?

— То-то, брат! Немцы, они тоже разные бывают, — и вдруг добавил совсем иным тоном: — Ох, и добренькие мы, черт бы нас побрал!

В сопровождении Прохорова появился переводчик. Уяснив суть дела, он бросил обитателям подвала несколько коротких фраз, суть которых сводилась к тому, что советское командование предлагает им солдатский обед.

— Да скажите им, капитан, — скрипнув зубами, добавил переводчику Железный. — Им дадут порции тех, кто погиб сегодня за этой вот стеной...

Вскоре у полевых кухонь выстроилась длинная очередь. Долговязый пастор что-то торжественно сказал стоявшей впереди женщине.

— Что он говорит? — спросил у переводчика подошедший капитан Шевченко.

— Говорит, что этот обед надо принимать как святые дары, что...

Грохот разорвавшегося фаустпатрона заглушил последние слова переводчика.

Шевченко покачнулся и тяжело упал. На месте его правой руки толчками била кровь. Рядом медленно оседала на землю женщина. Обезумевшим взглядом смотрел пастор на брызги крови, окропившие солдатский хлеб, который он держал в руках.

— Кто стрелял? — не своим голосом крикнул Железный.

— Эсэсовцы с крыши, — доложил вынырнувший из темноты Прохоров.

Над Берлином не угасало зарево,

ОБИДА НА КОМКОРА

Битва за Берлин близилась к концу.

После разговора с Шишковым я с особой остротой почувствовал великую душевную боль за тех, кому не выпал жребий дожить до последнего дня войны.

С глубоким сочувствием вспоминал старшего лейтенанта Ивана Сеничкина, мечтавшего о взятии Берлина, но раненного на одерском плацдарме и уже не вернувшегося в корпус; капитанов Ивана Гомонкова, Григория Шевченко и прославленного пулеметчика Петра Шуневича: они не

дошли до имперской канцелярии несколько сот метров; скорбел о лейтенанте Александре Цареве и рядовом Дмитрие Шконде, которым не довелось дожить до нашей победы. Но горюя о павших, сочувствуя раненым, я не забывал о том, что в моем подчинении находится дивизия генерала Николая Захаровича Галая, люди которой не дошли нескольких кварталов до имперской канцелярии.

Начальник политотдела дивизии полковник Федор Иванович Дюжилов, явившись в штаб корпуса по каким-то своим делам, неожиданно завел со мной разговор об удрученном моральном состоянии личного состава соединения.

— Люди, товарищ генерал, в глаза не смотрят, ходят мрачные. Спрашиваю: не обидел ли кто? Указывают на вас, Иван Павлович. И, откровенно говоря, я их понимаю. Ведь от самой Астрахани шли с надеждой добраться до берлоги Гитлера! А теперь?

Дюжилов опустил голову. Мне стало искренне жаль этого душевного человека. И я решил ввести в бой 248-ю дивизию. Мною руководили не оперативные, а скорее политические соображения. Я понял, что допущу серьезную ошибку, если позволю, чтобы люди, прошедшие от Волги до центра Берлина, не приняли непосредственного участия в операциях по уничтожению последнего оплота фашизма. И я сообщил о своем решении Дюжилову. Полковник радостно засмеялся и тут же исчез, крикнув:

Лечу в дивизию! На крыльях! Спасибо, товарищ комкор!

Вечером 29 апреля в центре боевых порядков корпуса 248-я дивизия вступила в бой. Ее 905-й полк, следуя по Орланиенштрассе, вышел к площади, образованной при слиянии Линден- и Елусамерштрассе, где высилось прочное кирпичное здание кирхи.

За толстыми стенами кирхи нашли надежное укрытие вооруженные до зубов эсэсовцы. Попытка выбить их со стороны Орланиенштрассе успехом не увенчалась. Скрытые за стенами пулеметы давали фашистам возможность отражать все атаки 905-го полка, нанося нам ощутимый урон. И командир полка подполковник Филатов сказал своему начальнику штаба подполковнику Коцарю:

— В лоб или с флангов мы их не возьмем, Кирилл Михайлович. Надо брать с тыла.

— Замысел хорош, Дмитрий Терентьевич, — согласился Коцарь, — Но как его осуществить?.. Пробриться по Юнкерштрассе на север, на Кохштрассе? Но там квартал...

— Вот сквозь квартал и надо пробиться! Через крыши, через подвалы. Наконец, делая проломы в стенах домов...

— А кому поручите это дело, товарищ подполковник? —

поинтересовался командир первого батальона майор Педченко.

— Тебе и поручим, Анатолий Григорьевич.

— Спасибо за доверие, товарищ подполковник. Разрешите выполнять?

— Подожди, я с тобой пойду, — торопливо проговорил замполит полка подполковник Шлыков и обратился к Филатову: — Не возражаешь, комполка?

— На подвиги рвешься?

— Брось дразнить, Дмитрий. Дело батальону Педченко предстоит серьезное...

— Хорошо, будь по-твоему.

Через час, овладев Юнкерштрассе, батальон Педченко начал пробиваться к Кохштрассе. Прихватив с собой группу минеров-подрывников, командир первой роты капитан Бутырский повел своих людей сквозь квартал. До Кохштрассе было рукой подать — каких-нибудь двести метров. Но первой роте, пробивавшей себе путь буквально сквозь кирпич и бетон, понадобилось три часа, чтобы преодолеть это расстояние. Тем не менее операция была успешно завершена. По истечении трех часов рота вышла на Кохштрассе. Вскоре здесь сконцентрировался и весь батальон Педченко.

В это время третий батальон майора Андреева наносил отвлекающие удары по опорному пункту противника с фронта. Особенно активно действовала здесь батарея капитана Никитина. Его сорокапятки вели прицельный огонь. Командир орудия сержант Глазко несколькими выстрелами с хорошо выбранной позиции заставил замолчать три вражеских пулемета. На славу поработали и расчеты других пушек.

А первый батальон уже занял исходное положение для штурма кирхи. Отразить стремительный одновременный удар всех трех рот первого батальона противнику оказалось не под силу. Часть укрепившихся в кирхе была уничтожена, остальные сдались в плен.

АЛЫЕ СТЯГИ

Бастион за бастионом сокрушал корпус в фашистской «Цитадели». 30 апреля части дивизий вышли на рубеж Шарлоттенштрассе — угол Кохштрассе — станции метро — Ангальтенштрассе и до Саарланденштрассе, вплотную подойдя к самому центру «Цитадели». Дивизия Антонова, преодолев отчаянное сопротивление отборных эсэсовских частей, овладела примыкавшим к зданию гестапо садом.

30 апреля, когда на крыше рейхстага реяло наше Знамя Победы, водруженное бесстрашными воинами 150-й Идрицкой стрелковой дивизии Егоровым и Кантария, а 301-я дивизия начала штурм здания гестапо, — Адольф Гитлер покончил с собой.

В 3 часа 50 минут 1 мая из подземелья имперской канцелярии вышел в сопровождении немногочисленной группы офицеров генерал Кребс — парламентар Гейбельса к советскому командованию. Впереди группы шел солдат с белым флагом. Кребс был препровожден к генералу армии В. Д. Соколовскому и вручил ему пакет с письмом фашистского министра пропаганды Гейбельса. Преемник Гитлера просил о перемирии.

Ответ маршала Жукова на просьбу Гейбельса о перемирии, переданный Соколовским, был лаконичен и категоричен:

«...Если до 10 часов не будет дано согласие Гейбельса и Бормана на безоговорочную капитуляцию, мы нанесем удар такой силы, который навсегда отобьет у них охоту сопротивляться».

*Фото 1945 Берлин -
рейхсканцелярия
Гитлера*

В 10 часов 40 минут утра по приказу маршала Жукова тысячи орудий и минометов обрушили свой огонь на остаток «тысячелетнего рейха»,

умещавшийся на отрезке Вильгельмштрассе от здания гестапо до Бранденбургских ворот.

В этот день 230-я и 248-я дивизии, выйдя на Фридрихштрассе, штурмом овладели государственным почтамтом и завязали бой за здание министерства финансов.

Значительных успехов добилась и 301-я дивизия, овладевшая зданиями гестапо, министерства авиации и подошедшая вплотную к имперской канцелярии.

Подготовка к штурму зданий гестапо и министерства авиации велась еще 30 апреля. С вечера командир первого батальона 1050-го полка капитан

Давыдов приказал саперам проделать в высоком каменном заборе, опоясывающем здание тайной государственной полиции, три прохода. У одного из этих проходов выбрал огневую позицию для своего самоходного орудия лейтенант Денисюк, Полускрытая каменным забором СУ-76 была почти неуязвима для вражеских фаустпатронов, зато сама могла вести огонь по окнам и входам здания. Командир САУ, несмотря на то, что уже давно наступил вечер, старался как можно лучше уяснить обстановку. Он то и дело выходил из самоходки, взбирался на броню и засекал огневые точки противника, чтобы перед началом штурма бить по целям наверняка. До полного падения фашистской империи оставались считанные часы и метры. Но желанию Денисюка не суждено было сбыться: осколок вражеского снаряда переломил отважному лейтенанту бедро...

1 мая в 11 часов после мощной двадцатиминутной артподготовки вторая стрелковая рота лейтенанта Сосновского ринулась через проделанные в заборе проходы во двор гестапо и, несмотря на бешеный огонь гитлеровцев, ворвалась в здание. Ко второй роте подошел первый батальон. За ним остальные подразделения 1050-го полка, в том числе третий батальон капитана Негодаева. В девятой роте геройски сражался сержант Шуневич. На углу Вильгельмштрассе и Ангальтенштрассе его ранило в левую руку...

Почти одновременно с полком Радаева со стороны Вильгельмштрассе в здание тайной государственной полиции ворвались солдаты Пешкова. Яростные схватки вспыхивали на каждой лестничной площадке, в каждой комнате. Рукопашная завязалась даже на крыше, куда сержант Шумкин с бойцами-комсомольцами Ефимовым и Некрасовым поднялись, чтобы водрузить Красное знамя. Уничтожив несколько фашистов, храбрецы укрепили на крыше здания древко с алым полотнищем.

Очистив от эсэсовцев квартал, который занимала главная резиденция гестапо, 301-я дивизия вышла на Альбрехтштрассе и завязала бой за овладение кварталом, где размещались здания министерства авиации. И здесь гитлеровцы цеплялись за каждый флигель, за каждый этаж, за каждую комнату. Несколько часов длился ожесточенный бой.

Понесший значительные потери от нашего артогня противник через несколько часов утратил все нижние помещения. Только на верхнем этаже и на крыше здания еще отбивались группы вражеских солдат и офицеров,

Комсорг второго батальона Салиджан Алимов понимал, что засевшие на крыше гитлеровцы будут драться до последнего: им некуда податься. Но в руках у комсорга было знамя, которое командование и товарищи по оружию поручили ему водрузить на крыше. И молодой офицер, пренебрегая опасностью, стремился во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу.

Не отставая ни на шаг, шли за своим вожаком комсомольцы Бондаренко, Гаврилюк, Иванов, Островский, Хмельницкий и Щербина. Около взвода фашистов пытались преградить им путь. Произошла ожесточенная схватка, в которой семерка Алимова гранатами и огнем из автоматов смела врагов со своего пути.

...Красные знамена! Они реяли уже над Герлицким вокзалом и патентным управлением, над Ангальтским вокзалом и зданием государственной типографии. Отважные воины 301-й дивизии водрузили эти символы нашей славы над зданиями гестапо и министерства авиации. Водружение алого стяга над поверженным опорным пунктом врага стало славной традицией нашей армии.

1 мая 1945 года считается началом штурма имперской канцелярии. В тот день части корпуса вплотную подошли к этому оплоту фашизма: 230-я и 248-я дивизии

С востока вышли на Мауэрштрассе, а 301-я стрелковая дивизия, наступая с юга, — на Фоссштрассе.

Последние приготовления к решительному удару. В частях и подразделениях уже были созданы штурмовые группы. Люди знали, что командование поручило водрузить Красное знамя над имперской канцелярией инструктору политотдела 9-го Краснознаменного Бранденбургского стрелкового корпуса майору Анне Владимировне Никулиной. Но в каждой роте, в каждом взводе готовили свои флаги. Символы нашей победы должны были взметнуться в небо над Берлином рядом с корпусным знаменем.

Было такое знамя и у воинов 337-го отдельного самоходного артиллерийского дивизиона — кумачовый треугольник пионерского галстука, пронесенный лейтенантом Шкоковым от Бахчисарая до пригородов Берлина. Этот пионерский галстук был подарен морякам-артиллеристам пионерами Бахчисарая.

Шкоков хранил на груди этот кусочек пылающего кумача в тяжелейших боях под Майрамадагом и на трудных дорогах Польши. 18 апреля в населенном пункте Прицхаген, что в трех километрах северо-восточнее Букова, осколком вражеского снаряда лейтенант был смертельно ранен.

Перед смертью он завещал боевым друзьям, бывшим курсантам Севастопольского училища имени ЛКСМУ, донести до Берлина хранимый им на груди пионерский галстук, обогранный его кровью.

И еще осталось письмо Ивана Федоровича Шкокова:

«14 апреля 1945 года. Германия.

Здравствуй, мать!

Прими мой горячий сыновний привет. От вас сегодня писем не получил.

Получил письмо от Вали и одновременно пишу вам. Пишу перед предстоящим боем за разгром фашизма и окончание войны. Если буду жив после этих боев, то напишу еще письмо из Берлина.

А если погибну, то такая судьба и больше писем не получите. Привет сестрам, брату и всем родным и знакомым. Сын Иван».

Это письмо начнет свой путь к адресату, когда вражеская столица капитулирует. Так пожелал Шкоков. А пока Максим Архипович Престинский читает его суровые строки своим самоходчикам, чтобы не утратили ярости к фашизму, чтобы помнили, что рядом с ними в последний бой с гитлеровской нечистью идет и лейтенант Шкоков.

ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ...

Старательно готовились к штурму имперской канцелярии в батальоне Шаповалова. Сам Федор Кузьмич, его заместитель по политчасти лейтенант Осипов, парторг батальона лейтенант Егоренков тщательно проверяли боевую готовность рот. Бойцы готовы были сделать все для захвата последнего объекта. Кроме того, батальон вдохновляло на подвиг и то, что в его боевых порядках должна была идти на штурм имперской канцелярии с алым стягом Анна Владимировна Никулина.

Сама Никулина, укрывшись от вражеских пуль за стеною разрушенного магазина «Вергейм», обсуждала с комсоргом батальона Салиджаном Алимовым, с группой которого ей предстояло идти на штурм имперской канцелярии, возможные варианты предстоящей схватки.

Время штурма приближалось, но это совершенно не означало, что в центре Берлина было тревожное затишье перед бурей. Вечернее небо прорезали огненные трассы пуль. Непрерывно взлетали осветительные ракеты. То и дело вспыхивали прожектора, освещая алые полотнища знамен, установленных на зданиях гестапо и министерства авиации.

— Прямо праздничная иллюминация, — заметил парторг 1050-го полка майор Телегин.

— Сегодня двойной праздник, — отозвался замполит полка майор Леонтьевский. — Фашизму крышка — раз! И Первомай — два!

— А знаешь, замполит, во всем этом чувствуется железная логика старушки истории. Гибель фашизма свершается в День международной солидарности трудящихся.

— Иначе и быть не могло. Говорят, в 230-й дивизии один командир зенитно-пулеметной роты в бою «Интернационал» поет. Понимаешь? Так и поет: «Это есть наш последний и решительный бой...».

— Молодец мужик! Сейчас и мы «запоем». На моих — 18 часов 30 минут...

Мощный артиллерийский залп потряс все вокруг,

НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ!

Штурм имперской канцелярии, в котором приняли участие все части 9-го корпуса, был одним из самых жестоких боев за годы войны.

Гитлеровцам терять было нечего. На последнем островке фашистского рейха собрались те, чьи преступления перед человечеством были настолько велики, что прощения им не могло быть. Эсэсовские головорезы дрались с отчаянием обреченных.

В течение первых трех с половиной часов бой за имперскую канцелярию длился без ощутимого успеха. Все попытки овладеть зданием со стороны Вильгельмштрассе не дали положительного результата, а потери среди участников штурма оказались серьезными.

Иначе сложилась обстановка в батальоне Шаповалова. Это подразделение действовало со стороны сада, отделенного от двора канцелярии бетонным забором. Командир четвертой роты старший лейтенант Яковлев приказал пробить в этом заборе брешь, через которые бойцы его роты, а затем и весь второй батальон, ворвались во двор. Заместитель комбата капитан Конарев, парторг батальона Егоренков, командиры рот старшие лейтенанты Яковлев, Храмов, Рабенко и командиры взводов офицеры Песков, Трубачев, Федоров, Косенко, Антонов лично возглавили штурмовые группы.

Впереди всех была горстка храбрецов роты Яковлева, в боевых порядках которой то и дело мелькала кожаная куртка — традиционная боевая форма инструктора политотдела корпуса Анны Владимировны Никулиной. Рядом, прикрывая ее огнем, бежал богатырского роста комсорг батальона Салиджан Алимов, возглавлявший штурмовую группу воинов-комсомольцев.

Бойцы шестой роты под командой Егоренкова поддерживали своим огнем группу Никулиной и Алимова. Их в свою очередь прикрывали орудия сержанта Рыжкова. Группы Никулиной — Алимова и Егоренкова продвигались к «фюрербункеру».

Неподалеку от входа в здание находился большой бетонный бассейн с фонтаном. Здесь укрылись вражеские автоматчики и гранатометчики. Они забрасывали атакующих гранатами. В эту нелегкую минуту на помощь группе Никулиной — Алимова подоспели бойцы пятой роты во главе с лейтенантом Федоровым и старшиной минометной роты Коломийцевым.

Сержант Рыжков с помощью бойцов Островского, Серегина и старшины

пулеметной роты Хисного развернул пушку в сторону входа в канцелярию. Прямой наводкой его орудие подавило огневые точки противника, расположенные в окнах по обеим сторонам входной двери. Гитлеровцы, укрывшиеся за бассейном, откатились. Воспользовавшись этим, бойцы Алимова, Федорова, Антонова, Коломийцева стали забрасывать гранатами апартаменты фюрера. Затем, подсаживая друг друга, проникли через окна в здание и завязали бой внутри имперской канцелярии. Схватки шли за каждую комнату, каждый коридор, каждую площадку лестницы.

Вместе с первой группой бойцов в здание ворвалась и Анна Владимировна Никулина.

Пока войны выбивали гитлеровцев из многочисленных кабинетов, приемных и банкетных залов, майор Никулина с помощью своих боевых товарищей поднялась по разбитым лестничным маршам на крышу и водрузила над рейхсканцелярией алый стяг.

Батальоны майора Перепелицына и капитана Айрапетяна, штурмовавшие здание со стороны Вильгельмштрассе, тоже ворвались в резиденцию рейхсканцлера. Наземная часть здания была почти полностью в наших руках. Но предстояла задача более сложная: занять подземные помещения.

Бойцы старшего лейтенанта Рабенко, лейтенантов Егоренкова и Пескова попытались приблизиться к двери бетонированного логова Гитлера. Фашисты, укрывшиеся за подбитым броневиком, бетономешалками, транспортерами и грудями стройматериалов, открыли плотный огонь. Необходимо было немедленно подавить эти огневые точки.

Первым взялся за это капитан Карибский, который сам лег за пулемет. Его примеру последовали лейтенанты Еганов, Беляев и Гарагуля.

Командир взвода связи лейтенант Знаменский в паре с рядовым Тамразом открыли огонь из противотанкового ружья. Прицельный огонь сорокапятки Рыжкова в сочетании с автоматным огнем сломили сопротивление противника у входа в бункер. Вскоре огонь был перенесен на амбразуры и двери самого убежища. Несколько бойцов лейтенанта Пескова забросали гранатами бойницы и двери бункера. Наконец, отважные войны ворвались внутрь бункера и завязали бой в подземных лабиринтах... К утру 2 мая нашим частям удалось полностью овладеть имперской канцелярией и ее подземными сооружениями.

Давая высокую оценку подвигу наших воинов, маршал Жуков писал в своей книге воспоминаний: «Каждый шаг, каждый кусок земли, каждый камень здесь яснее всяких слов говорили, что на подступах к имперской канцелярии и рейхстагу, в самих этих зданиях борьба шла не на жизнь, а на

смерть».

ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ...

Ранним утром 2 мая в районе рейхсканцелярии бой затихал. Только со стороны Тиргартена и Бранденбургских ворот все еще доносились отдельные выстрелы и короткие автоматные очереди. Артиллерийского и минометного огня здесь уже не вели. На крыше гитлеровского логова в горячих лучах майского солнца реяло алое знамя!

Антонов коротко доложил обстановку и представил мне майора Никулину. От всей души я поблагодарил эту героическую женщину за славный ратный подвиг.

Вслед за тем комдив попросил решить вопрос о назначении коменданта имперской канцелярии и предложил кандидатуру своего заместителя полковника Василия Емельяновича Шевцова.

Через несколько часов мы приступили к осмотру имперской канцелярии с ее подземными убежищами и садом. В здание вошли через центральный вход. Над ним висел государственный герб фашистской Германии — орел со свастикой в лапах.

Гумеров тут же сказал комбату Шаповалову:

— Распорядитесь, чтобы немедленно убрали этого стервятника.

Через главный вход мы прошли в просторный вестибюль. Из него длинная анфилада мрачных комнат привела нас в круглый зал. Высокие украшенные бронзой двери вели из зала в кабинет Гитлера, представлявший собою огромное помещение. В конце кабинета стоял большой письменный стол, а в углу — на подставке из полированного дерева — громадный глобус.

Когда-то, чтобы подчеркнуть величие и незыблемость «тысячелетнего рейха», все эти помещения были обставлены с истинно прусской помпезностью. Теперь от бывшего блеска не осталось и следа. Всюду царил хаос. Поломанная мебель, выбитые стекла, висящие клочьями некогда дорогие гобелены, осколки стекла и фарфора на полу, а между ними целая россыпь неиспользованных железных крестов...

Полуподвальное помещение встретило нас зловонием. Здесь находился госпиталь для раненых защитников «Цитадели». В нем собралось значительное количество офицеров и генералов, судя по всему давно уже лишенных не только медицинского, но и вообще какого бы то ни было ухода. Генерал Антонов тут же распорядился оказать раненым необходимую медицинскую помощь и накормить их.

Во дворе имперской канцелярии толпилось множество бойцов из самых различных частей и соединений. Здесь были люди из 32-го корпуса и гости из 8-й гвардейской армии. Они приходили поодиночке и группами, чтобы посмотреть на развалины последнего бастиона фашизма. Комендант здания полковник Шевцов обратился ко мне с просьбой дать распоряжение оцепить имперскую канцелярию, чтобы не пускать туда многочисленные делегации различных частей и соединений. Он хотел сохранить все в «естественном виде» до прибытия высшего начальства. Но я возразил ему:

— Каждый солдат жил мечтой дойти до Берлина, покарать Гитлера и прикончить фашизм. Бойцы совершали подвиги и теперь стремятся побывать в этом месте. Как же мы с вами, Василий Емельянович, можем запретить им это?

Шевцов смутился и ответил:

— Слушаюсь, товарищ генерал!

Перед тем как сесть в «виллис», я еще раз взглянул на крышу рейхсканцелярии. Там было установлено не менее полутора десятков красных полотнищ. Среди них я с большим волнением отметил маленький кумачовый треугольник пионерского галстука, пронесенный лейтенантом Шкоковым через всю войну.

Первый заместитель председателя Совета
Общероссийской общественной организации
ветеранов Вооруженных Сил РФ (по взаимодействию
с общественными объединениями)
генерал-лейтенант в отставке

В. Бусловский